

Глава VI

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ТЕКСТА

Изучение текста в составе сборников

Большинство древнерусских литературных произведений дошло до нас в составе сборников.

Хорошую характеристику того, что представляют собой сборники в древнерусской письменности, дает В. О. Ключевский в своем «Курсе лекций по источниковедению». «С б о р н и к — характерное явление древнерусской письменности. В каждом рукописном собрании, уцелевшем от Древней Руси, значительная часть рукописей, если не большинство, — непременно с б о р н и к и. Можно даже сказать, что сборник был преобладающей формой древнерусского книжного дела. Эта форма была завещена ему частью византийской и южнославянской письменностью, частью создавалась самобытно средствами древнерусской книжности и вызвана была потребностями древнерусского читающего общества, неизбежно возникавшими при рукописном способе распространения литературных произведений. Видное место занимал сборник в письменности Византии в последние века ее самостоятельного существования. Наша древняя письменность оставила нам сравнительно немного крупных оригинальных произведений, составленных по одной программе. Гораздо более любили в Древней Руси форму краткой статьи,

слова, поучения, небольшого рассказа... Огромное количество оригинальных древнерусских произведений носит характер более или менее краткой статьи. Эти статьи были слишком малы, чтобы каждая из них могла составить отдельную рукопись, и удобство читателя заставляло соединять их в сборники в том или другом порядке или подборе, смотря по книжным средствам и потребностям писца и читателя. Форма сборника, господствовавшая в древнерусской письменности, проникала иногда в самый состав даже цельных литературных произведений. Памятники, первоначально цельные по своему содержанию и литературной композиции, иногда теряли под руками позднейших редакторов свой первоначальный вид, разбиваясь на отдельные статьи или осложняясь новыми прибавочными статьями, и, таким образом, принимали характер сборников. Так и первоначальные летописи в позднейшей письменности путем вставок и сшивок превращались в летописные своды. Многие жития наших древних святых из кратких записок разрастались в сложные литературные здания, строившиеся по частям и в разные времена»¹.

Связь, которая существует между дошедшими до нас литературными произведениями и составом включивших их в себя сборников, может быть очень различна — от самой тесной по содержанию до минимальной, от исторически сложившейся до случайно создавшейся в единственном списке в результате механической работы последнего писца или даже просто переписчика, соединившего различные по содержанию и разновременные рукописи.

Изучение исторически сложившихся сборников с устойчивым или с относительно устойчивым составом открывает новый, дополнительный источник для восстановления истории текста входящих в них литературных произведений, а также для суждения о литературных вкусах читателей и переписчиков, для выяснения того, как понимался древнерусскими читателями и переписчиками жанр произведения, его идейный смысл и пр.

К сожалению, необходимость изучения состава некоторых сборников и особенно того явления, которое мы в дальнейшем будем называть «конвоём» памятника, недостаточно осознается еще историками древнерусской литературы. Памятники древнерусской литературы издаются по большей части без указания на их текстологическое окружение в списках. Не всем ясно также — что именно необходимо изучать в этом текстологическом окружении.

Обратимся к типам древнерусских сборников.

Прежде всего отметим те сборники, которые по устойчивости своего состава и внутренней идейной связанности всех своих частей могут рассматриваться как отдельные самостоятельные произведения.

¹ В. О. Ключевский. Курс лекций по источниковедению. — Соч., т. IV. М., 1959. С. 62–63.

Входившие в эти сборники произведения частично специально перерабатывались для этих сборников (сокращались или расширялись в каком-либо особом направлении, разбивались на отдельные эпизоды и включались этими эпизодами в различные места сборника по хронологическому или тематическому принципу, и т. п.), частично же сохраняли признаки своей самостоятельности — в зависимости от характера сборника. В большинстве случаев такие сборники устойчивого содержания (т. е. содержания, сохранявшегося при их переписке) обладали даже особыми названиями и, следовательно, действительно воспринимались их читателями как единые произведения. К сборникам этого типа принадлежат различные летописные своды, «временники», хронографы, степенные книги, разного типа палеи (историческая, хронографическая и пр.), Еллинский и Римский летописец, сборники религиозно-нравственного содержания с определенными названиями («Измарагд», «Златая матица», «Златая цепь», «Златоуст», «торжественники» различных видов — минейные, триодные, торжественники в виршах и т. д.), сборники житий (патерики, прологи и пр.), сборники изречений («Стословец» Геннадия, «Пчела» и др.) и т. д.

Текстологические принципы изучения летописных сводов и хронографов были указаны А. А. Шахматовым в ряде его работ¹.

Кроме того, текстологические принципы изучения сборников устойчивого состава религиозно-нравственного содержания были отчасти указаны в работах В. А. Яковлева, А. С. Орлова, а в последние годы Т. В. Черторицкой и Е. А. Фет². Если этими принципами в настоящее время исследователи и не всегда пользуются, то не потому, что они заменяют их более совершенными, а вследствие того, что принципы эти требуют от текстолога огромной эрудиции и еще большего трудолюбия.

Менее устойчив состав сборников, которые мы могли бы назвать циклами произведений. История древнерусской литературы знает немало циклов произведений, объединенных каким-либо одним общим (географическим,

¹ А. А. Шахматов пишет: «...замыкаясь в одном каком-либо памятнике, исследователь никогда не получит возможность определить его состав и происхождение... единственно надежным путем должен быть признан путь сравнительно-исторический» (А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». — В кн.: Отчет о сороковом присуждении награды графа Уварова. СПб., 1899. С. 118).

² В. А. Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893; А. С. Орлов. Сборники Златоуст и Торжественник. СПб., 1905; Т. В. Черторицкая. 1) О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник (триодного типа). — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980; 2) К вопросу о литературной истории древнерусского минейного Торжественника. — В кн.: Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982; Е. А. Фет. Новые факты к истории древнерусского Пролога. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси.

хронологическим или тематическим) признаком. К сожалению, эти циклы произведений изучаются крайне недостаточно. К таким циклам принадлежит цикл новгородских произведений XV в., изданных в свое время порознь Г. Кушелевым-Безбородко¹. Лишь в работе Л. А. Дмитриева легендарно-биографические сказания древнего Новгорода получили освещение именно как совокупность памятников, объединенных общими литературными и эстетическими тенденциями². В единый цикл входят повести муромские³. Долгое время «Повесть о разорении Рязани Батыем» рассматривалась вне связи с теми произведениями, с которыми она несомненно составляет единый рязанский цикл⁴.

Каждое из произведений, входящее в такой цикл, переписывается, постепенно изменяется или решительно перерабатывается в составе всего цикла (до той, конечно, поры, пока оно из него не изымается для какой-либо цели), и поэтому текстологически оно должно изучаться в неразрывной связи с историей всего цикла, иначе многие из изменений текста просто окажутся непонятными.

Есть, наконец, сборники, которые мы можем рассматривать также как вполне устойчивые, хотя устойчивость их и не проверена многократной перепиской в одном и том же составе. Это — сборники, известные только в одном экземпляре (как Изборник Святослава 1076 г., Паисиевский сборник XIV в и др.), но объединенные строгим замыслом их составителя. Иногда сборник отражает интересы своего составителя в какой-нибудь узкой области знаний, моральных или религиозных вопросов. Иногда составитель интересуется положением какой-то определенной группы населения. Так, например, составитель сборника ГПБ, Софийского собрания 1459, сделал своеобразную подборку повестей о купцах: «О Федоре купце», «О христолюбивом купце, ему же сотвори пакость бес, милостыни его не терпя», «О двою купцу», «О некоем старце, умершем в блуде».

Уже из последних примеров мы видим, что само понятие «сборник» нуждается в уточнении. Понятие «сборник» может быть применено ко всей ру-

¹ См.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова. Вып. 1. СПб., 1860.

² Л. А. Дмитриев. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973.

³ Муромский цикл обычно составляют в рукописях XVII в. «Повесть о Марфе и Марии», «Житие князя Константина и чад его князя Михаила и князя Федора», «Повесть о Василии Муромском», «Повесть о Петре и Февронии Муромских», «Повесть об Ульянии Осоргиной» и «Повесть о Василии Микулине» (Русская повесть XVII века. Сост. М. О. Скрипиль, ред. И. П. Еремин. Л., 1954. С. 363). См. также: Повесть о Петре и Февронии. Подгот. текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.

⁴ См. об этом: Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРЛ, т. VII. М.; Л., 1949. С. 257.

кописи, в которую входят несколько произведений, объединенных единым переплетом, но мы можем назвать сборником и такой свод произведений, которые в реальной рукописи под общим переплетом составляют только часть ее текста. Так, например, цикл рязанских произведений почти во всех дошедших до нас рукописях составляет только их часть, а иногда под единым переплетом находится в соседстве с другими такими же циклами-сборниками или даже входит сам в состав более обширного сборника. В подобных и аналогичных случаях встает задача изучить данный сборник в составе того сборника, в который он входит как часть. Сборники могут входить друг в друга. И перед текстологом, изучающим историю текста, входящего в эти сложные по своему взаимоотношению сборники, встает необходимейшая задача раскрыть их состав, изучить их историю, разобраться в их исторически сложившихся взаимоотношениях.

Но может быть и так, что то или иное произведение не входит в состав сборника, объединенного каким-либо единым принципом, а просто сопровождается в рукописях каким-либо одним или несколькими произведениями. Именно на этом случае, до сих пор почти не привлекавшем к себе внимания, и следует остановиться особо.

В самом деле, писец может переписывать рукопись целиком или частями, но по несколько произведений сразу. От этого то или иное, даже вполне случайное, соседство сможет повторяться в последующей переписке. Случаи такого рода нередки, и они имеют очень большое текстологическое значение, так как почти всегда указывают на единую текстологическую традицию, а установление текстологической традиции прямым образом ведет к установлению истории текста. Если же этот «конвой» произведения другими произведениями не случаен, а имеет свое объяснение в понимании древнерусскими книжниками жанра произведения, его темы или его идейной сущности, то он чрезвычайно важен и для решения целого ряда чисто историко-литературных вопросов.

К сожалению, описания списков, которые прилагаются к публикациям древнерусских литературных памятников, в подавляющем большинстве не имеют полного перечисления всего содержания используемых в публикации рукописей, поэтому конвой памятников почти не изучен. Конечно, не все важно в составе рукописей. Если единым позднейшим переплетом объединены несколько рукописей разных почерков, то полное описание такого сборника представит интерес только для истории самой рукописи, для истории же текста понадобится описание только той ее части, которая написана одним почерком или, если и группой писцов, то объединенных единой «артелью»¹.

¹ При больших монастырях или при дворах епископий и митрополий рукописи переписывались иногда целой «дружиной» писцов. В этом последнем случае работа дружины писцов (она может быть в большинстве случаев текстологически установлена без особого труда) представляет такой же интерес, как и работа одного писца.

Только в той части памятника, которая переписана одним писцом или «дружиной» («артелью») писцов, работавших по указанию заказчика, мы можем определить то важное текстологическое явление, которое я предлагаю называть «конвоем». Под этим последним термином следует разуметь такое сопровождение текста изучаемого произведения в сборниках, которое может рассматриваться как традиционное, повторяющееся в различных рукописях, хотя бы даже у изучаемого произведения и не было внутренней связи с памятниками, его сопровождающими.

Следовательно, «конвой» — это не просто окружение памятника в рукописях, а только такое окружение, которое может считаться более или менее постоянным — устойчивое сопровождение памятника, окружение, повторяющееся во многих списках.

Конвой может занимать в рукописях различное положение относительно изучаемого памятника. Он может следовать за памятником, предшествовать ему, может состоять из одного произведения или многих, но сочетание его с тем или иным конкретным произведением или редакцией произведения более или менее однотипно, что объясняется традицией переписки¹. Поэтому самое важное качество его, на которое следует обращать основное внимание при изучении конвоя, — это его относительная стабильность и стабильность его положения относительно основного исследуемого памятника². Так, например, в конвой цикла рязанских повестей о Николе Заразском входит «Повесть об убиении Батыя» Пахомия Логофета. Эта повесть конвоирует рязанский цикл не во всех его редакциях, а только в древнейших и, кстати, служит одним из признаков, по которым эти редакции могут быть опознаны. Это объясняется тем, что «Повесть» эта рассматривалась переписчиками и древними редакторами текста как произведение того же круга и о тех же событиях, к тому же оно отвечало стремлению переписчиков к реваншу, к возмездию Батыю за страшный разгром Рязани. Переписывая в XV в. старые рукописи, где «Повесть» еще не входила в состав рязанского цикла, переписчики присоединяли к этому циклу «Повесть».

Весьма важно отметить, что, имея общую судьбу в рукописях, произведения, традиционно входящие в состав сборников более или менее определенного состава, подвергались общим изменениям: языковым, редакционным, общей порче и общим «улучшениям».

Как показывает изучение древнеславянских сборников, некоторые из них переписывались и переделывались целиком, в полном своем составе, как единое целое. Это значит, что приемы обращения переписчика или пере-

¹ См. также наблюдения О. В. Творогова над своеобразным «конвоем» «Хронографа по великому изложению» — группой текстов, к которым обращались древнерусские книжники, использовавшие в своих компиляциях текст «Хронографа» (О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 66–69).

² Конечно, понятие конвоя относительно. Если текстолог меняет тему исследования, то тот памятник, который он раньше изучал как основной, может оказаться в свою очередь в конвое его нового исследуемого произведения.

делывателя с текстом изучаемого нами произведения могут оказаться одинаковыми или по крайней мере сходными на протяжении всего переписываемого или переделываемого сборника.

Следовательно, не только состав, но и самый текст сборников во всех его деталях надо учитывать как единое целое. Писец сборника применяет однотипную правку по всему сборнику и вносит в одно из произведений изменения под влиянием другого. Так, в тексте древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия в составе Виленского хронографа переписчик последнего (в книге V, гл. V и VI) опустил описание 12 камней на ризе иудейского первосвященника. Причина этого пропуска ясна: описание первосвященнического облачения читатель мог бы найти перед тем в том же хронографе в тексте древнерусской «Александрии». И, кроме того, об этих 12 камнях подробно говорилось в том же сборнике выше, в библейской книге «Исход» (28, 4–39) со вставками из пропущенного места «Истории» Иосифа Флавия¹.

Для выяснения истории текста «Русской Правды» исключительное значение имеет ее окружение в сборниках. В. П. Любимов писал об изучении «Русской Правды» в составе сборников: «...стоит лишь внимательно заняться Русской Правдой, как изучающий ее столкнется с необходимостью изучить не только Русскую Правду самое по себе, но и те кодексы, в состав которых она входит, ибо если по своему происхождению и содержанию Русская Правда является памятником самостоятельным, то в письменной традиции наш памятник не является таковым. До нас не дошло ни одной рукописи (за исключением подделок), которая имела бы своим содержанием одну Русскую Правду. Русская Правда есть всегда часть того или иного массива: или это летопись, или древнерусский юридический сборник “Мерило праведное”, или огромный сборник канонического и общегражданского права “Кормчая книга”, или же сборники иного рода, как юридические, так и другие. И Русская Правда, входя как часть в такое целое, жила вместе с этим целым (разрядка моя. — Д. Л.). История ее текста поэтому должна изучаться вместе со всем кодексом, что подчеркнул и стал осуществлять уже Розенкампф в своем известном труде о Кормчей книге, в котором наш памятник особенно часто встречается. Недаром Калачов должен был дать исследования не только о самой Русской правде, но и о Мерило Праведном и о Кормчей книге, — исследования, впрочем, предварительного характера². Ключевский связал вопрос о происхождении “Русской Правды” с “Кормчей книгой”, и если его гипотеза неверна, то, может быть, это случилось потому,

¹ См. об этом: Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 31.

² Николай Калачов. 1) Исследования о Русской правде, ч. 1. Предварительные юридические сведения для полного собрания Русской Правды. М., 1846; 2-е изд. СПб., 1880; 2) О значении Кормчей книги в системе древнего русского права. М., 1850; 3) Мерило праведное. Архив историко-юридических сведений, отд. III. М., 1850; 2-е изд. СПб., 1876. (Примечание В. П. Любимова).

что вопрос о связи этих памятников не изучен, а самые памятники не изда- ны. Зато исследование проф. Стратонова о происхождении краткой редак- ции «Русской Правды» привело к очень важным и обоснованным выводам именно потому, что оно связано с изучением летописи¹.

На эту сторону данной работы, на связанность изучения летописи, как целого, с «Русской Правдой», как частью, и обратил внимание в своей рецен- зии А. Е. Пресняков, отметивший этот метод в работе С. В. Юшкова о древне- русских юридических сборниках², в которые входит и «Русская Правда»³.

Именно такой подход к изучению текста сборников позволил В. П. Лю- бимову решить крайне сложный вопрос о происхождении «Сокращенной Русской Правды»⁴. О том, что представляет собой «Сокращенная Правда», писалось много, и точки зрения были очень разнообразны. В исследователь- ской литературе высказывалось, например, мнение, что «Сокращенная Правда» вовсе не является обычным сокращением, что в основе ее лежит весьма древний памятник, восходящий к XI в., и пр.

До исследования В. П. Любимова были известны два списка «Сокращенной Правды» в составе Кормчих — Толстовской IV и Оболенского. В. П. Любимов обнаружил еще один список Кормчей с «Сокращенной Правдой» — Никифо- ровскую II. Во всех трех списках окружение «Сокращенной Правды» одно и то же, но Никифоровская II Кормчая представляет собой переходный тип к Тол- стовской IV и Кормчей Оболенского. Исследование «Сокращенной Правды» не изолировано от содержания ее Кормчих, а в целом, вместе с текстом всех трех Кормчих, совершенно точно доказывает, что «Сокращенная Правда» яв- ляется действительным сокращением «Пространной Русской Правды» и что это было делом составителя той Кормчей, от которого идут Толстовская IV и Оболенского. Кормчая эта была составлена по Кормчей Никифоровской II или ближайшей к ней. К такого рода выводу привело В. П. Любимова внима- тельное исследование всего текста трех упомянутых Кормчих вместе с неко- торыми материалами, использованными в конце Кормчих. Одни и те же при- емы сокращения (например, устранение из текста имен и названий местнос- тей) могут быть отмечены одинаково и в тексте Кормчих Толстовской IV и Оболенского, и в тексте «Сокращенной Правды». Очень сходны также, на- пример, сокращения, сделанные в «Избрании из законов Моисеевых», Корм- чих Толстовской IV и Оболенского с сокращениями текстов «Сокращенной Правды», содержащихся в этих Кормчих.

¹ И. А. Стратонов. К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской правды. Казань, 1920. (Примечание В. П. Любимова).

² С. В. Юшков. К истории древнерусских юридических сборников. (XIII в.). Са- ратов, 1921. — Рецензия А. Е. Преснякова в журнале «Книга и революция», 1921, № 1 (13). С. 45–47. (Примечание В. П. Любимова).

³ В. П. Любимов. Об издании «Русской Правды». — В кн.: Проблемы источни- коведения, сб. 2. М.; Л., 1936. С. 299–300.

⁴ В. П. Любимов. Новые списки Правды Русской. — В кн.: Правда Русская, т. II. Под ред. академика Б. Д. Грекова. М.; Л., 1947. С. 840 и сл.

Исключительно важен анализ состава сборников для установления общего протографа двух списков. Исследуя тексты «Сказания о князьях владимирских», Р. П. Дмитриева пишет: «Близкие тексты в большинстве случаев входят в сборники со сходным составом статей»¹. Рассмотрение состава сборников помогает Р. П. Дмитриевой сделать целый ряд важных выводов относительно происхождения списков «Сказания». Так, по поводу двух списков Р. П. Дмитриева пишет: «Одинаковый состав сборников свидетельствует о том, что оба сборника почти целиком были переписаны с одной и той же рукописи или рукописей, близких друг другу»². Аналогичные выводы делаются Р. П. Дмитриевой и в отношении ряда других списков «Сказания». Дополнительно к анализу разночтений списков Р. П. Дмитриева дает сведения о содержании сборников и расположении в них статей. Анализ разночтений может контролироваться анализом содержания сборников и наоборот. Если выводы изучения состава сборников, в которых находятся списки произведения, говорят о том, что состав этот восходит к одному общему источнику, то он должен подтвердиться анализом разночтений этих сборников целиком, во всех их статьях. Совпадение выводов по изучению состава сборников и их разночтений позволяет рассматривать их как бесспорные.

В иных случаях связь между различными частями сборников может выступать в самых неожиданных сочетаниях. Даже, казалось бы, ничем не связанные между собой особенности самого текста или его содержания, состава сборников сопутствуют друг другу. Н. И. Серебрянский, например, замечает о проложном Житии княгини Ольги: «Жития Ольги не находим обычно в таких списках Пролога с Житием Бориса и Глеба, начинающимся словами: "Святой мученик Борис...", и с не апокрифической статьей о равноапостольном Константине. Прочитав в Прологе, хотя бы XVII в., эти статьи, почти с уверенностью можно сказать, что под 11 июля нет памяти и жития Ольги, и, наоборот: раз в Прологе помещено житие Ольги, то под 24 июля найдем вторую редакцию жития Бориса и Глеба, а под 21 мая легендарные рассказы о равноапостольной Елене и о крещении Константина»³.

Изучение состава сборников, главным образом с точки зрения истории сложения этого состава и общей судьбы входящих в эти сборники произведений, помогает и в выяснении целого ряда историко-литературных проблем, связанных с изучением произведения. Здесь могут быть легко открыты данные, позволяющие уточнить идеологию составителей сборников, их политические тенденции, понимание произведения древнерусскими читателями и переписчиками, данные об авторе произведения и о времени его создания, данные для определения состава произведения и для реконструкции его не дошедших до нас редакций.

¹ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 18.

² Там же. С. 19.

³ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 23-34.

Политические тенденции составителей сборников могут быть продемонстрированы на примере истории создания сборников ханских ярлыков русским митрополитам. В своей интересной в методическом отношении книге, посвященной ханским ярлыкам русским митрополитам, М. Д. Приселков изучил их в составе тех сборников или «коллекций», в которых они до нас дошли¹. Оказалось, что все ярлыки и грамоты были уже в начале XVI в. собраны в специальный сборник, имевший определенную политическую цель. Этот сборник впоследствии несколько раз видоизменялся под влиянием определенных потребностей. Ханские ярлыки, представлявшие, казалось бы, односторонний интерес только для истории русской церкви XIII–XIV вв., неожиданно обрели значение для изучения взаимоотношений церкви и государства в XVI в., для церковной политики того же времени. Кроме того, изученные в своем целом, они позволили объяснить изменения, которые претерпел их текст, выявить целенаправленность их переработки в руках церковных деятелей XVI в.

Вот как характеризует М. Д. Приселков историю создания первой, краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам: «...когда-то в первой половине XVI века (вероятно, между 1503 и 1550 гг.) неизвестное лицо, проникнутое страстной идеей о неотчуждаемости церковных и монастырских земель, обратилось, как к средству защиты, к обнаружению тех ханских ярлыков, какие можно было найти в архиве митрополита (“еликоже обретохом во святейшей митрополии старых царей ярлыки”). По мысли этого лица, ярлыки должны были — сопоставлением милостей к церкви поганых ханов с замашками современных этому лицу православных князей и бояр, ослепленных заботою об обиде святой церкви и ее имущества, — показать ложный путь, на котором стоял правительственный верх: когда уже не действуют доказательства иные, основанные на христианской правде, приходится обратиться к “наказанию от саракин” тем, кого нужно назвать “не разумеющими по-истине бога”. На автора приведенных соображений весь вопрос в современной его постановке производил тяжелое впечатление: “но, ох, увы, слезы мя постигоша велики”... Итак, лицо, близкое к митрополиту, по крайней мере имевшее доступ в архив митрополичьей кафедры, лицо весьма литературно образованное, для убеждения в чем достаточно посмотреть послесловие коллекции, принялось за составление коллекции ханских ярлыков русским митрополитам»².

Далее М. Д. Приселков подробно анализирует все изменения текста, состав коллекции и политические соображения, их вызвавшие, а также последующую историю коллекции в новых ее редакциях.

Только изучив состав коллекции и приемы ее составления, а также всю последующую историю, М. Д. Приселков считает возможным перейти к восстановлению и анализу отдельных ханских ярлыков и грамот.

¹ М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. — Записки Историко-филологического факультета имп. Петроградского университета, 1916 ч. СXXXIII.

² Там же. С. 63–64.

Важные указания для вопроса о понимании древнерусскими переписчиками жанра и содержания «Сказания о киевских богатырях» дает изучение состава сборника 1642 г., в котором Е. В. Барсов нашел один из списков «Сказания»¹. В «Сказании о киевских богатырях», как известно, рассказывается о «путешествии» русских богатырей в Царьград. В том же сборнике помещены «Путешествие Трифона Коробейникова» и «Слово о киевском купце Борзосмысле». Следовательно, в сборнике собраны рассказы о путешествиях русских на Восток. Отсюда можно предполагать, что и интерес переписчиков середины XVII в. к «Сказанию о киевских богатырях» был интересом географически-познавательным в первую очередь. Было бы, конечно, очень важным установить, возник ли этот состав сборника 1642 г. под рукой непосредственного составителя в 1642 г. или он традиционно восходит к более раннему времени. Отсюда ясно, что изучение состава сборников помогает получить объективные данные о том, как рассматривалось, как оценивалось, с чем сопоставлялось то или иное произведение в определенные моменты своего существования.

«Повесть о двух посольствах», касающаяся русско-турецких отношений XVI в., не случайно конвоируется другими произведениями, также касающимися русско-турецких отношений². Очевидно, что древнерусских книжников в этой «Повести» особенно интересовал вопрос русско-турецких взаимоотношений.

Изучение состава сборников имеет очень большое значение для установления принадлежности произведения определенному автору. Переписчики часто объединяли в сборниках произведения одного автора, например Грозного или Курбского.

Любопытен сборник, открытый В. Ф. Ржигой, в котором находятся сочинения Ермолая-Еразма. Изучение состава этого сборника в его целом позволило В. Ф. Ржиге установить принадлежность Ермолаю-Еразму еще ряда новых произведений³. Изучение конвоя произведений Ивана Пересветова помогло А. А. Зимину установить принадлежность Ивану Пересветову особой редакции «Повести о взятии Царьграда турками»⁴. С. Иванов доказывает, что «Житие Иосифа Волоцкого, составленное неизвестным», на самом деле принадлежит сербскому писателю Льву Аниките Филологу. Один из

¹ Е. В. Барсов. Богатырское слово. — Сборник ОРЯС, т. XXVIII, № 3, 1889. С. 8–11.

² М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII в. — ТОДРЛ, т. XI. М.; Л., 1955. С. 240.

³ ЛЗАК, вып. XXXIII. Л., 1926. — См. также интересное исследование состава этого сборника: А. И. Клибанов. Сборник сочинений Ермолая-Еразма. — ТОДРЛ, т. XVI. М.; Л., 1960. С. 178–207. — О Ермолае-Еразме как авторе см.: Повесть о Петре и Февронии. Подгот. текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. С. 50–59 и сл.

⁴ Сочинения Ивана Пересветова. Подгот. текст. А. А. Зимин. М.; Л., 1956. С. 16 и др.

аргументов его тот, что сборник, в котором дошел до нас лучший список жития, составлен из сочинений Филолога¹.

Изучение состава сборников помогает также установить время возникновения того или иного произведения. Так, например, Н. И. Серебрянский обратил внимание на состав сборников, в которых находился изучаемый им памятник — распространенное проложное житие княгини Ольги, читающееся в единственной рукописи (ГБЛ. Румянцевское собрание, № 397, XVI в.). Н. И. Серебрянский не видит оснований относить его ко времени более раннему, чем XVI век. В самом составе рукописи Н. И. Серебрянский находит подтверждение этому выводу, сделанному им на основании изучения текста жития: «Обращаясь к составу рукописи № 397, и здесь мы не находим данных относить составление проложного жития ко времени раньше первой половины XVI в. Рукопись эта — псковская; в ней помещены псковские жития: бл. кн. Всеволода (пространное житие и статья об открытии мощей), преподобных Евфросина и Саввы Крыпецкого (проложные редакции). Житие Всеволода составлено известным псковским биографом святых, пресвитером Василием; его перу принадлежат и пространные жития Евфросина, Саввы, проложные же жития преподобных хотя составлены и по Васильевым подробным житиям, но, кажется, не самим Василием. В рукописи помещены также проложное житие Александра Невского — переделка подробного Василюва жития, проложное житие Петра и Февронии Муромских, написанное не раньше половины XVI в. Таким образом, большая часть статей в рукописи состоит из сочинений половины XVI в.; к этому времени, вероятно, относится и житие Ольги»².

Исключительное значение имеет изучение состава сборников для выяснения границ произведения. В древней русской литературе часто нелегко бывает отграничить начало и конец произведения от произведений, входящих в его постоянное сопровождение — конвой. Поучительно, например, отношение исследователей к «Сказанию о князьях владимирских». Вследствие того, что исследователи не интересовались конвоем, из него была изъята его органическая часть: «Родословие литовских князей». Сходное же «Родословие литовских князей» в близком «Сказании» «Послании» Спиридона-Саввы оставлялось. Только исследованием конвоя удалось правильно отграничить «Сказание» от сопровождающих его произведений и установить историю его текста³.

¹ С. Иванов. Кто был автором анонимного жития преп. Иосифа Волоцкого. — Богословский вестн. 1915, сент. С. 173–190. — О Аниките Льве Филологе см.: Д. С. Лихачев. Забытый сербский писатель первой половины XVI века Аникита Лев Филолог. — В кн.: Горски вијенац. A garland of essays offered to professor E. M. Hill. Cambridge, 1970. P. 215–219.

² Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 37–38.

³ См.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских.

До последнего времени неясны были начало и конец «Сказания о начале Москвы». Произведение это и начиналось и заканчивалось довольно странно и неясно. Исследование конвоя позволило правильно определить границы этого произведения и выяснить состав того летописного сборника, в котором оно первоначально находилось и где получило свое окончательное литературное оформление¹.

К интересным выводам приходит М. Н. Сперанский на основании изучения сборников в книге «Из старинной новгородской литературы XIV в.». М. Н. Сперанского интересовал список «Странника» Стефана Новгородца в сборнике ВАН, 16.8.13 первой половины XVI в. Выяснилось, что сборник этот — собрание путешествий в чужие края. По-видимому, этот состав сборника не случаен. Сходного состава (но без «Странника» Стефана Новгородца) сборники Софийской библиотеки №№ 1464 и 1465 (ГПБ), причем, что особенно важно, идентичен и самый порядок следования статей. М. Н. Сперанский предположил: «Это подбор "хождений" в нашем сборнике нельзя не связывать с оживлением паломничества именно в Новгородской области в том же XIV в. (к которому относится и "Странник". — Д. Л.)». Это оживление М. Н. Сперанский объяснял «попытками Новгорода освободиться от церковной зависимости от Москвы, ставши в более тесную связь непосредственно с патриархией»².

История создания академического сборника проливает некоторый свет на особенности дошедшего в нем текста «Странника» Стефана Новгородца. Как показывает М. Н. Сперанский, с о с т а в сборника новгородский, но в тексте «Странника» имеется характерный псковизм в употреблении названия храма Софии в форме мужского рода — «Святой Софей»: «Помилова ны бог и святой Софей премудрость божия»; «имать же святой Софей множество кладязь»; «святы Софей имать дворе 140»³.

Характерно, что сборник Софийской библиотеки № 419 (ГПБ) близок к академическому сборнику 16.8.13 как по составу, так и по наличию того же псковизма: «святы Софеи». Отсюда возникает предположение, что текст «Странника», вошедшего в состав новгородского сборника XIV в., некоторое время перед тем переписывался в Пскове.

Особое значение этому проявлению псковского говора в двух списках «Странника» придает то обстоятельство, что он поддержан целым рядом псковизмов в сборнике XVI в. из собрания И. Е. Забелина № 416 (ГИМ), содержащем другой текст «Странника». Рукопись Забелина представляет собою механическое соединение трех сборников. Один из этих сборников —

¹ См.: М. А. Салмина. К вопросу о происхождении «Сказания об убиении Даниила Суздальского и начале Москвы». — ТОДРЛ, т. XIII. М.; Л., 1957.

² М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934. С. 17.

³ О псковском происхождении подобной формы см. в статье А. А. Шахматова «Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV вв. По поводу книги: Николай Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке» (ЖМНП, 1909, № 7. С. 105—177).

тот, в котором находится «Странник», — имеет ярко выраженные псковизмы на фоне средневеликорусской графики и фонетики. Здесь, следовательно, «Странник» явно выказывает следы своего происхождения из Пскова, что подтверждается всей окружающей его «литературной компанией» (выражение М. Н. Сперанского)¹. В связи с этим М. Н. Сперанский обращает внимание на то, что Стефан называет себя «Новгородцем» (или его так называет переписчик). «Как понимать это прозвище? — пишет М. Н. Сперанский. — Если допустить (что само по себе вполне естественно), что прозвище это указывает на происхождение Стефана из Новгорода (как и мы все время его себе представляли), то возникает вопрос: почему новгородец Стефан нашел нужным (или сам, или кто-либо другой, кого интересовало путешествие, в данном случае большой разницы нет по существу) прибавить к имени еще прозвище «Новгородец»? Если он жил и писал в Новгороде, то такая прибавка является совершенно ненужной и лишней. Но, может быть, появление этого прибавления получит свое естественное и вполне вероятное объяснение в том, что новгородец по происхождению Стефан писал свое произведение не в Новгороде, а в другом месте или что писание новгородского автора попало и получило распространение не в Новгороде, а в ином городе; в таком случае вполне уместно было бы или самому Стефану, или лицу, заинтересовавшемуся его писанием, отметить (хотя бы в отличие от других Стефанов, здесь так или иначе известных или автору путешествия, или кому-либо другому) происхождение или прежнее пребывание автора текста в Новгороде. На такого рода предположение (в первой или во второй форме) наводит несколько аналогий употребления таких прибавочных к имени прозвищ в русской же старинной письменности: так, известная «Задонщина», писанная, весьма вероятно, где-то в области псковского говора или даже во Пскове, но не псковитянином, а пришлым человеком, вероятнее всего из Рязани, получила в заглавии, рядом с именем Софиний прибавку «Рязанца»; известный Максим святогорец, писавший в России, обычно прозывается Максимом «Греком», разумеется, в отличие от других соименных и, может быть, современных ему Максимов»².

Из этого примера видно, как важно, даже для такого вопроса, как вопрос о прозвище автора, знать историю текста произведения в его литературном окружении.

Однако приведенными данными о трех сборниках, содержащих текст «Странника» Стефана Новгородца, наблюдения М. Н. Сперанского не ограничиваются. Выясняется, что для истории текста произведения исключительную важность представляют иногда даже те сборники, которые не имеют текста изучаемого произведения, но сходны по составу с теми сборниками, которые его имеют.

М. Н. Сперанский обращает внимание на то обстоятельство, что сборник описаний Константинополя, включенный как часть в рукопись Забелина № 416 (ГИМ), о которой мы уже говорили выше, ближе по составу к двум дру-

¹ М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV в. С. 21–22.

² Там же С. 47–48.

гим сборникам: ГИМ № 1428 и ГПБ Q.XVII.184. Причем забелинский сборник несколько отличается от двух других — ГИМ № 1428 и ГПБ Q.XVII.184, но все три, очевидно, восходят к одному общему оригиналу (возможно, через посредствующие звенья). Своим оригиналом все три сборника воспользовались различно. В забелинском сборнике весь материал сокращен — в том числе и «Странник» Стефана Новгородца. В двух других он не сокращен, но зато «Сказание о святых местех Царьграда» начала XIV в. заменено «Беседой о святынях Царьграда». Тексты «Сказания» и «Беседы» близки между собой, но чем объяснить их различия? Анализируя весь состав сборников и восстанавливая их генетическое взаимоотношение, М. Н. Сперанский приходит к выводу, что «Сказание» и «Беседа» восходят к одному и тому же памятнику, содержащемуся в том первоначальном и не дошедшем до нас сборнике, к которому восходят все три изучаемых сборника — забелинский, ГИМ и ГПБ. История всех трех сборников проливает свет и на текст «Странника» Стефана Новгородца в забелинском сборнике, представляющем собою сокращение (характерное для всех статей забелинского сборника) текста, который содержал не дошедший до нас оригинал всех трех сборников¹.

Если бы М. Н. Сперанский не изучил взаимоотношения текстов всех сборников, содержащих тексты «Странника» Стефана Новгородского, и двух других сборников, близких к изученным, но не имеющих «Странника», различия в дошедших до нас текстах «Странника» оставались бы далеко не ясными. Можно было бы спорить о том, какой из текстов более первоначален, имело ли место сокращение текста «Странника» в забелинском сборнике или, наоборот, текст в рукописи БАН 16.8.13 представляет собою распространение первоначально более краткого текста и т. д., не ясен был бы и вопрос с псковизмами в текстах некоторых списков «Странника» и многое другое.

Изучение сборников не было доведено до конца М. Н. Сперанским, но и то, что он сделал, сразу же пролило свет на историю текста изучаемых им произведений.

Итак, изучение текста произведения в тесной связи с его окружением в составе сохранившихся рукописей должно быть признано одной из важных задач историков древней русской литературы. Если произведение сохранилось не в одном списке, то рассмотрение текстологического конвоя должно быть признано обязательным для всякой текстологической работы над ним.

Между тем в исследовании памятников древней русской литературы еще очень часты случаи, когда даже произведение, заведомо встречающееся в текстах летописей или хронографов, изучается вне состава этих летописей и хронографов — как будто бы оно имело самостоятельную историю. В самом деле, отдельные отрывки из летописей и хронографов легко могут быть приняты «по ощущению» за особые повести и изучаться отдельно (так, например, случилось с двумя летописными рассказами о взятии Москвы Тохтамышем). Такого рода «изучение» не имеет никакой ценности. Но ценность изучения мо-

³⁴ М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV в. С. 85–86.

жет быть утеряна или в значительной степени уменьшена также, если произведение, находящееся и в составе сборников, изучается вне их состава.

Необходимость комплексного подхода к изучению текста произведений ставит перед историками древней литературы целый ряд новых задач. В частности, необходимо вернуться к текстологическому изучению очень многих древнерусских произведений, встречающихся в сборниках. Так, например, уже давно было обращено внимание на состав мусин-пушкинского сборника, в котором найдено «Слово о полку Игореве». Является ли этот состав стабильным? Некоторые данные прямо говорят об этом. В таком случае его необходимо внимательно проследить по сохранившимся в рукописях аналогичным подборкам произведений.

Изучение состава наших сборников и их истории позволит открыть новый, богатейший источник для истории общественной мысли Древней Руси, для изучения круга читательских интересов в различное время, в разных местностях и в разнородных социальных слоях.

В последнее время введенное мною в начале 60-х годов понятие «конвоя» широко вошло в обиход текстологических исследований, однако пользуются им не всегда достаточно критически. Дело в том, что наблюдения над конвоем довольно несложны и не требуют от исследователя особого трудолюбия, которое во всех других случаях необходимо для текстолога. Поэтому ряд «текстологов» ограничиваются изучением конвоя и заменяют им кропотливую работу по сличению текстов. Между тем свидетельства конвоя могут служить лишь проверкой и подтверждением для выводов основного исследования текста, но никак не заменой текстологического исследования. Изучение конвоя может дать прочные результаты, если устанавливаются соответствия между историей текста изучаемого произведения и историей текста тех произведений, которые входят в «конвой». «Конвоем» же может быть признано только постоянное сопровождение произведения — постоянное и по месту своего расположения относительно основного, изучаемого произведения (либо впереди, либо позади в одинаковой последовательности).

В 1971 г. Э. Кинан выступил с «сенсационным» утверждением, что переписка Грозного и Курбского подложна. Основывался он при этом главным образом на данных конвоя¹.

¹ *Edward L. Keenan. The Kurbskii — Groznyi Apocrypha, the Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971. 241 p.* — Все исследование Э. Кинана, касающееся двух десятков произведений, перевертывающее представления о них, которые сложились в результате полутора десятилетий изучения, занимает 99 страниц текста. Остальное в книге — приложения, составленные в основном Д. Уо. Последний проделал очень большую и полезную работу по уточнению датировок списков сочинений Грозного и Курбского. С концепцией Э. Кинана эта работа Д. Уо связана очень мало.

Наблюдения Э. Кинана над распределением состава сборников, содержащих тексты Курбского и Грозного (если говорить только о том, что в этих наблюдениях прочного и несомненного), на основании которых он утверждает, что переписка Грозного и Курбского искусственно создана в XVIII в., заключают мало нового сравнительно с тем, что уже было сделано Я. С. Лурье. Последним, в частности, уже было отмечено, что сочинения Грозного сохранились по преимуществу в сборниках XVII в. рядом с сочинениями его врага Курбского, составленными в Литве¹. Естественно, что в России эти сборники не могли появиться при жизни Грозного, как не могли распространяться сочинения Курбского в XVI в. и в отдельном виде. Сочинения Курбского, а вместе с ними и адресованные ему письма Грозного, проникают на Русь в результате возобновившихся культурных отношений с польско-литовской частью Руси после событий Смуты. Именно это объяснение Я. С. Лурье и должен был бы опровергнуть Э. Кинан, прежде чем предложить свое, более сложное. Это не сделано в книге Э. Кинана, хотя объяснение Лурье полностью относится и к некоторым новым наблюдениям Э. Кинана над соответствиями между текстами первого послания Курбского, жалобы литовско-украинского монаха Исаяи и предисловия «К читателю» Ивана Хворостинина, также связанного с польско-литовской Русью.

В самом деле, все отмеченные Э. Кинаном «странности» в рукописном бытовании произведений Курбского и адресованных ему посланий Грозного объясняются именно этим: Грозный адресовал свои произведения в Литву — в Литве они и сохранились; Курбский сам писал в Литве, и его письма в России при Грозном не могли распространяться. Из Литвы был и Исаяя, который либо повлиял на Курбского, либо, вернее, сам испытал его влияние. Хворостинин, у которого мы находим соответствия с Курбским, жил в эпоху Смуты, в эпоху возобновившихся интенсивных культурных связей с литовско-польской Русью и тогда же встретился с «литовским» окружением Самозванца. Совпадения «Скифской истории» Лызлова с «Историей о великом князе московском» Курбского также закономерны: Лызлов был ученым польско-украинской культуры, и знакомство его с «Историей о великом князе московском» Курбского на территории западной Руси также понятно². Появление полонизмов и западнорусизмов в поздних сочинениях Курбского вполне естественно для эмигранта, переехавшего в Литву, в западнорусскую языковую среду. Следовательно, Литва — вот ключ к особенностям

¹ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 520–576 (Сер. «Литературные памятники»).

² Э. Кинан пишет в примечании 42 на с. 212 о том, что будто бы не Лызлов сделал заимствования из «Истории о великом князе московском» Курбского, а, наоборот, неизвестный автор «Истории о великом князе московском» воспользовался «Скифской историей» Лызлова, но никаких строгих доказательств этого важного утверждения не приводит.

бытования переписки Курбского и Грозного и бытования остальных произведений Курбского. Все остальное «от лукавого». Нет ничего удивительного и в том, что списки произведений Курбского и части произведений Грозного сравнительно поздние. Почти все произведения древней русской литературы XI—XVI вв. сохранились в поздних списках. Сближать время первого списка с временем написания произведения, как это делает Э. Кинан, значит игнорировать опыт изучения всей древнерусской письменности.

Не обременяя себя исчерпывающими текстологическими доказательствами, которые могут быть основаны только на данных сличения текстов отдельных списков, Э. Кинан объявляет свои предположения «рабочей гипотезой» и предлагает далее другим ученым исследовать с помощью этой гипотезы содержание произведений Курбского и Грозного. Это неправильно во всех отношениях. Анализ любого произведения не должен заранее подчиняться «рабочей гипотезе», каким-либо предположениям. Выводы должны следовать за анализом, а не анализ должен подчиняться той или иной предвзятой, наперед высказанной идее, хотя бы и объявляемой «рабочей гипотезой». Научный анализ слишком тяжело страдает от различного рода предвзятых и наперед заданных идей.

Первоочередная задача последующих исследований сочинений Грозного и Курбского состоит не в проверке предположений и предложений Э. Кинана, как несколько наивно предполагает автор, а в том, чтобы тщательно изучать историю текста всех известных нам произведений, изучить язык и стиль Курбского и Грозного, характерные особенности их литературной манеры на основании наиболее достоверных текстов.

Только идя от этого конкретного материала, а не от предположений, и доводя исследование до полного конца, можно прийти к достоверным выводам. Исследование должно быть исчерпывающим.

Вопреки всяческим многочисленным оговоркам, в которых Э. Кинан признает, что работа им не закончена, что он дает лишь повод для размышлений и т. д., название книги звучит вполне категорично: переписка Курбского с Грозным признается «апокрифом» и в подзаголовке указано, что предметом исследования является датирование XVII веком Переписки, приписываемой князю Курбскому и царю Ивану IV. Следовательно, свой тезис Э. Кинан все же считает доказанным.

Изучение текста во взаимодействии с другими произведениями

Литературные произведения Древней Руси — переводные и оригинальные — находятся между собой в тесном взаимодействии. Авторы, редакторы и простые переписчики Древней Руси постоянно вставляли в свои произведения целые отрывки, выражения, образы из древних произведений.